

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ ПОДТЕКСТ РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Александр Дырдин

Ульяновский технический университет
Кафедра филологии, издательского дела и редактирования

Более ста лет назад Н. Н. Страхов в книге «Бедность нашей литературы» пронизательно заметил: «<...> первая наша бедность есть *бедность сознания* нашей духовной жизни» (Страхов 1868, 44). И далее именитый литературный критик делает следующий вывод: «Таким образом, чувство нашей духовной бедности, при обыкновенном ходе дела, порождает у нас явления, не подстрекающие и усиливающие наше развитие, а, напротив, такие, которые его задерживают и подавляют. По евангельской притче о талантах, всякому имеющему дается и приумножится, а у неимеющего отымается и то, что он имеет. Будучи бедны духовной жизнью, мы, в то же время, оказываемся бедными ее сознанием, уважением к ее явлениям и чувством собственной ответственности» (*там же*, 45).

Имея в своей культурной истории великих мыслетворцев, мы действительно бедны пониманием их воздействия на развитие всей последующей отечественной мысли, ее эстетико-духовной, художественной и фило-софской частей.

Русская словесность всегда была образ-ным свидетельством самостоятельного типа

мышления, вариантом национального (соборного) самосознания. «Вообще русская литература была реалистической совсем не в том внешнем смысле, который ей приписывали наши поверхностные критики. Она была реалистической в смысле религиозного, онтологического реализма, видения глубочайших реальностей бытия и жизни», – писал Н. Бердяев (Бердяев 1991, 24). По его словам, тесные отношения между русской философией и словесностью проявляется в том, что они были «ранены христианской темой»: «Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» (*там же*, 26).

Истоки самобытного отечественного самосознания складываются в недрах славяно-христианского направления – в славянофильской идеологии¹, которая ведет свое

¹ За представителями этого течения русской мысли 1840–1850-х годов закрепился крайне расплывчатый термин «славянофиль». Сами славянофилы предлагали несколько вариантов названия этой философской линии национального самосознания:

начало с сочинения А. Хомякова «О старом и новом» (1839). Исходная мысль славянофилов состояла в признании национальной самостоятельности, собственного исторического опыта. Первый тезис славянофильства – «<...> духовная личность народа может выражаться только в формах, созданных ею самой» (Хомяков 1900, 117). Славянофилы-классики (А. Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин, Константин и Иван Аксаковы) создали собственную концепцию истории Востока и Запада, развивая доктрину особого пути России в направлении полного воплощения ее исконных начал. За этим убеждением следовала идея соборности, которая определяла особый тип общественной системы: скрепленное единой духовностью народное бытие.

Славянофильская философия закрепляется в идейных исканиях русских писа-

направление «словено-православное», «славяно-христианское» (И. Киреевский), течение мысли, признающее «за русским народом *обязанность самобытного развития и право самостоятельного мышления*» (А. Хомяков), «русское воззрение» (К. Аксаков). В нашей статье славянофильство понимается как мыслительная традиция, выразившая себя в осознании самостоятельных начал отечественной культуры, выросшая из «религиозного опыта восточного православия, претворенного в русской душе» (Н. Бердяев). В. А. Кошелев, который специально изучал судьбу слова-понятия «славянофил», говорит о нескольких этапах изменения его семантики, о стирании его внутреннего смысла вплоть до полной бессмысленности и переходе в разряд историзмов (Кошелев 2003).

Сегодня исследователи все более склоняются к мысли о движении славянофильства к соборной идеологии, основанной на единстве целого ряда сфер – родовой, семейной, дворянско-бытовой, народной, общенациональной, церковно-православной. См.: Хоружий С. С., *Современные проблемы православного мирозерцания*. Интернет-издание Вэб-Центра «Омега», Москва, 2002, <http://www.wco.ru/biblio/books/horuzhy2/Main.htm>.

телей. Литература XIX столетия во многом обязана ей обретением национального своеобразия. Наполнив темой соборности прозу Достоевского и Лескова, лирику Тютчева, славянофильское учение перешло по спирали истории в век революций и духовных катастроф.

Славянофильское умозрение породило не только теорию культурных типов Н. Данилевского, литературную критику Н. Стрехова и свое основное ответвление – почвенничество. Оно оказало влияние на Н. Федорова², П. Флоренского³, В. Розанова. Жизнепонимание славянофилов, эсхатологически окрашенное религиозной философией начала XX века, отразилось не только в литературе русского зарубежья, но и в российском литературном процессе после 1917 года. Русская литература советского периода соизмеряет свои нравственные устремления с внешне чуждыми ей духовными ценностями, включая и религиозные аспекты национального самосознания. Литература, которая нарождалась в результате революционного взрыва, наследует духовные заветы классики, вбирает в себя «соборный образ» (А. Лысов) русско-православной культуры, ее христианские начала. Далеко еще не осмысленная с этой стороны послеоктябрьская словесность все более предстает преемницей

² «Федоров – последнее явление славянофильства, но в его лице старое в славянофильстве отмирает, и рождается новое, еще не бывшее. [Но] многое осталось в нем от старого славянофильства, и даже в преувеличенном виде», – подчеркивает Н. Бердяев (Бердяев 1991, 55).

³ П. Флоренский в своем главном труде писал: «Читатель, вероятно, не преминет заметить значительного сродства теоретических идей славянофильства с идеями предлагаемой книги» (Флоренский 1990, 608).

традиции «цельности жизни», «живого и цельного зрения ума», «хоровой личности».

Философская проза А. Платонова – литературно-мыслительное явление XX века, стоящее в непосредственной близости к славянофильским духовным мотивам. Создатель «Чевенгура» находится в том основном векторе русской духовности, который обусловлен влиянием историсофии и антропологии славянофилов.

Элементы славянофильских взглядов в тексте «Чевенгура» представлены в различных контекстах и логических сочетаниях. Поэтому они не всегда легко узнаваемы. Отсюда – сложность нашей темы. Она инициирована не только литературоведческим интересом к Платонову, но и современным состоянием русского национального самосознания. До известной степени – это попытка анализа идейной позиции писателя-мыслителя, который наследовал школе славянофилов, бывшей, собственно, единственной оригинальной философской школой в России.

Заполнить существующий в платоноведении пробел и осуществить анализ генетического родства между славянофильскими идеями и образной философией писателя – задача долговременная. Она представляет собой часть проблемы «обратной перспективы» в русской литературе XX века. В таком случае творчество Платонова, отделенное от времени Хомякова, Киреевского и братьев Аксаковых большой временной дистанцией, может изучаться в ракурсе единой традиции, общего для всей отечественной мысли и культуры духовно-содержательного направления.

Сформулирую несколько тезисов, которые следует понимать как проблемное поле для дальнейшей размышлений.

1. Для Платонова основой познания мира и человека как явлений «цельного духа» стало «сердечное стремление», «духовное чутье истины» (А. Хомяков). Вокруг этой темы было сосредоточено соборное сознание и соборное творчество славянофилов.

2. Смысловым центром романа «Чевенгур» выступила славянофильская идея соборного человека, его «хоровой природы». Свобода сокровенной человеческой души в трактовке Платонова проявляется в любви к ближним, в братолюбии, в выходе к универсальным началам национальной жизни.

3. Философское качество платоновских текстов рождается стихийными силами души, в противоборстве с рационализмом. Мысль Платонова, как и учение славянофилов, вырастает, прежде всего, из жизненной органики, а не из литературных и философских построений.

4. Художественный мир Платонова изначально настроен на раскрытие духовного бытия личности через ведущие принципы «самостоятельного любомудрия»: веры, русской идеи (духовных накоплений нации) и бытийного опыта, объединяющего людей, – «живого знания».

5. «Почвенность» славянофильства, замеченное Платоновым погружение славянофилов в родовую, семейный, русский национальный быт⁴, помогает осмыслить суть творческой личности автора «Чевенгура».

⁴ В статье, посвященной книге С. Т. Аксакова с ее, по существу, «славянофильским» нравственным и эстетическим пафосом, Платонов особо выделил тему семейства, аксаковскую мысль «о семье как о чистой, великой силе, складывающей человека и предопределяющей его судьбу» (Платонов 1980, 156).

Ограничусь здесь описанием постоянных свойств в мировоззрении героев и самого писателя, поиском тех, на первый взгляд, незначительных фактов, которые могут привести к обоснованию правомерности заявленной темы. В каком объеме главная книга Платонова вмещает учение славянофилов, его концептуальный фундамент – это другой вопрос. Но в том, что оно органично для писателя, соразмерно его поискам ответов на самые драматичные вопросы национального бытия, нет никаких сомнений.

До сих пор в работах о Платонове изучение славянофильской темы уступает по масштабу исследованиям других мировоззренческих течений и систем, близких его эстетике, бытийным взглядам. Называются десятки имен деятелей русской культуры, мыслителей, ученых, писателей иных стран и народов⁵, но мало кто из литературоведов обращается к духовному наследству основателей самобытной отечественной философии. В лучшем случае можно говорить о наблюдениях, уместившихся на одной странице⁶. Отдельных исследований, которые были бы посвящены данной проблеме непосредственно, мне обнаружить не удалось. Тем не менее, материал, соотносимый с замыслом данной статьи, накапливается; прирастают знания о различных гранях связей писателя с «русской идеей», укорен-

⁵ См. составленный Е. А. Яблоковым список «властителей дум» XIX–XX вв., идеи которых, по мнению исследователей, вошли в «Чевенгур» (Яблоков 2001, 11). Ср. с А. Платоновым (Платонов 1980).

⁶ Например, рассматривая связи А. Платонова с космизмом русской религиозной философии, Э. Бальбуров упоминает в ряду создателей концепции цельного знания И. Киреевского и А. Хомякова (Бальбуров 2003, 311–318).

ненной в православии. Из последних публикаций упомяну статьи орловского исследователя Б. Г. Бобылева «Андрей Платонов о русской государственной идее: повесть “Город Градов”» (Бобылев 2002) и петербуржца В. В. Смирнова «Марксизм: время сновидений...»⁷.

Обращаясь к произведениям Платонова, мы находим в них элементы славянофильской идеологии, сопоставимые с ее главными составляющими: цельность духа, сердца и бытия, любовь и соборность, выступающая в качестве мировоззренческого и нравственного принципа.

Как и славянофилы, писатель смотрит на мир в его объективной сущности, связывая духовное начало с природно-бытийным. «Свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством – таким далеким, что почти не существующим. Захар Павлович знал вперед, что чем дальше он будет жить, тем это пространство непережитой жизни будет уменьшаться, а позади – удлиняться мертвая растоптанная дорога. И он обманулся: жизнь росла и накапливалась, а будущее впереди тоже росло и простиралось – глубже и таинственней, чем в юности, словно Захар Павлович отступал от конца своей жизни либо увеличивал свои надежды и веру в нее» (Платонов 1991, 57), – воссоздает Платонов особое чувство жизненности пространства у чевенгурцев. «Как конец миру, вставал дальний тихий горизонт, где небо касается земли, а человек человека» (146).

⁷ См.: Смирнов В. В., *Марксизм: время сновидений. Внутренние противоречия марксистского восприятия времени и их отражение в текстах Андрея Платонова*, <http://proekt-psi.narod.ru/mif5.htm>.

Мыслью о взаимодействии этой интуиции с «географией» национального духа читатель подводится к соборному устроению, к приятию мира в пределах живого знания.

Образность и пристрастие к жизненным реалиям являются, по словам Ф. Гиренка, узловыми признаками русского дискурса. «Русский дискурс состоит, по крайней мере, из нескольких элементов, – считает философ. – Во-первых, это национальные идиомы, смыслы, коренящиеся в пословицах, поговорках, сказках, притчах, прибаутках и т. д. Во-вторых, это язык, на котором говорили славянофилы и, следовательно, все тематизации этого языка. В-третьих, культурно-символические содержания, восходящие к православной вере. В-четвертых, русская философия — это рационализация крестьянского сознания». Здесь проявляются «те специфические особенности русского мировосприятия, содержание которых зафиксировано славянофилами» (Гиренок 1998). Специфика такого способа организации речевого события состоит в уходе от рефлексии, в созерцательности и символической емкости слова. С его помощью Платонов раскрывает сокровенную жизнь национальной души.

«Революция прошла, как день; в степях, в уездах, во всей русской глуши надолго стихла стрельба и постепенно заросли дороги армий, коней и всего русского большевистского пешеходства» (314). «Кончается моя молодость, – думал Дванов, – во мне тихо, и во всей истории проходит вечер» (315). «– История грустна, потому что она время и знает, что ее забудут, – сказал Дванов Чепурному. – Это верно, – удивился Чепурный. – Как я сам не заметил! Поэтому вечером и птицы не поют – одни сверчки: какая ж у них песня! Вот у нас тоже – постоянно сверчки поют, а птиц мало, –

это у нас история кончилась! Скажи пожалуйста – мы примет не знали!» (*там же*).

Эти фразы сосредотачивают в себе платоновскую философию истории. Идея неторопливого «пешеходного» бытия, основанная на характерных чертах национальной идентичности (терпение, жертвенность, стойкость, общинность) выступает у Платонова атрибутом русской жизни. В ее свете истолкованы писателем трагические повороты народной судьбы. Тематизируются типичные для национального сознания жизнесмыслы, образуя единый символический ряд. В результате возникает единый образ. Народ представлен в «Чевенгуре» совокупным телом, целостным организмом — носителем исторической жизни, что сближает Платонова, например, с Хомяковым, писавшим: «Истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью» (Хомяков 1990, 283).

Точно так же обстоит дело и с отношением писателя к фактам и лицам национальной истории. Вошедшие в платоновские тексты феномены странничества, утопических поисков земного рая, противоречивая оценка реформ Петра («Епифанские шлюзы»), интерес к сектанству как к своеобразной кладовой «народного духа» («Иван Жох») в главных очертаниях воспроизводят славянофильские представления.

Укажем на немногие, но принципиальные для нашей темы детали, соотносящие роман Платонова с контекстом славянофильства, с судьбами и умозрениями поборников русской культурной самобытности.

Е. А. Яблоков в обширном комментарии к «Чевенгуру» связал (вслед за Е. Толстой-Сегал) образ «самого последнего, нечи-

таемого и забытого сочинителя» Николая Арсакова с личностью Николая Петровича Аксакова (1848–1909) – доктора философии, богослова-историка, церковного писателя, канониста, позднего славянофила (Яблоков 2001, 266). Однако этот религиозный мыслитель, автор замечательного православного сочинения «Духа не угашайте!» (Аксаков 2002), соединивший славянофильство с религиозно-философским движением начала XX столетия, менее всех из блестящей плеяды Аксаковых подходит на роль прототипа платоновского сочинителя. Самым плодотворным периодом его литературной и церковно-общественной деятельности были 1880–1890-е гг. и несколько последних лет жизни (1905–1908). Н. Аксаков выступал со статьями, содержащими критические замечания в адрес старших славянофилов (Аксаков 1886), поддерживая, главным образом, их веру в особую миссию России, отстаивая позицию «светского учительства». Основное в сочинениях Н. Аксакова – проблемы духовной сущности христианства и церковного самосознания, вопросы отношений между духовенством и мирянами. На позднем этапе творчества он стал членом особого присутствия при Святейшем Синоде, созданного для подготовки церковного собора, автором работ о христианских канонах и церковном праве.

Язык Н. Аксакова, простой и понятный, является образцом церковной публицистики конца XIX века, тогда как Арсаков у Платонова представляет иную языковую традицию: во фрагментах «чужого текста» в «Чевенгура» имитируется славяно-русский стиль, присущий, скорее, карамзинской эпохе: «Следует, елико возможно, держать свои действия в ущербе, дабы давать волю созерцательной половине души». Или еще

одна цитата из сочинения Николая Арсакова: «Пускай же как можно длительнее учатся люди обстоятельствам природы, чтобы начать свои действия поздно, но безошибочно, прочно и с оружием зрелого опыта в деснице» (137).

Со стороны семантики и синтаксиса, но особенно со стороны ценностей и идеалов, составляющих содержание высказывания, арсаковский текст напоминает публицистику К. Аксакова. Проиллюстрирую сказанное фрагментом из его статьи в газете «Молва»: «Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество – бесплодной отвлеченностью. Разъединяющий эгоистический элемент личности умеряется высшим началом живого союза народного, другими словами: великодушием общинного элемента. В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрываются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех. Они звучат в общине, не как отдельные голоса, но как хор» (Молва 1857). На страницах «Чевенгура» мы обнаружим тот же смысловой лад, подобный пафос мысли.

Со славянофильским мировидением мысль Платонова перекликается в главном: в попытках выделить коренной русский тип – тип народного правдоискателя, выразителя «духа народной жизни», носителя «веры как способности разума» (А. Хомяков).

Платонов являет в героях-странниках «хоровую природу» личности – органический народный тип, соотнося субстанциональные основы русского мировоззрения с его новым состоянием. В «Чевенгуре» он не только показал разные ипостаси

национального характера, но и создал обобщенный образ представителя «православно-русского» направления мысли, контаминируя имена и фамилии ранних и поздних славянофилов: братьев Аксаковых, Страхова, Данилевского, Лескова⁸. В нем персонифицирован строй славянофильского мышления. Фигуру выдуманного автора «Второстепенных людей» – книги, изданной, якобы, в 1868 году (в этом году Данилевским написана «Россия и Европа»), можно считать точным попаданием в цель сразу в двух значениях – собственно-художественном и философском. Таким приемом Платонов рельефно выразил сокровенный смысл славянофильского учения об органическом развитии национальной истории. «Аксаков писал, что только второстепенные люди делают *медленную пользу* (курсив мой. – А. Д.). Слишком большой ум совершенно ни к чему – он как трава на жирных почвах, которая валится до созревания и не поддается покосу. Ускорение жизни высшими людьми утомляет ее, и она теряет то, что имела раньше» (137).

В контексте аргументов в защиту людей, «делающих медленную пользу», эту цитату можно понять в смысле закона сохранения

⁸ Имя Лескова всплывает в связи с романом «Чевенгур» и в плане выбора фамилий для персонажей. Одно из второстепенных героев – предводителя отряда анархистов и автора «Приключений современного Агасфера» – Платонов наделяет фамилией Мрачинский. Сходную фамилию – Мрачковский – носит городничий в «Соборях» Н. Лескова (Лесков 1989). «Фамилия от слова мрак. Ты, Господи, веси, когда-нибудь к нам что-нибудь от света приходиться станет!» [Запись протопопа Туберозова 5 декабря 1849 года на прокладных страницах Церковного «Календаря», изданного в 1803 г. (V глава, С. 96), русским историком, митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым)].

запаса исторических сил, сформулированного Н. Данилевским в книге «Россия и Европа». В этом «катехизисе или кодексе славянофильства», как называл сочинение Данилевского Н. Страхов, встречаются рассуждения об исторических повторениях, очень похожие на изречения платоновского сочинителя. Данилевский видел причину отставания народа русского от народов европейских в его сравнительной молодости, «недавности вступления на поприще исторической деятельности». Автор теории культурно-исторических типов понимал русскую историю как растущий организм, различая внешние, или органичные, добываемые из национальных корней силы. В духе этого взгляда выстраивается историософия платоновского Арсакова: «“Люди, – учил Арсаков, – очень рано почали действовать, мало поняв. Следует, елико возможно, держать свои действия в ущербе, дабы давать волю созерцательной половине души. Созерцание – это самообучение из чуждых происшествий. Пускай же как можно длительнее учатся люди обстоятельствам природы, чтобы начать свои действия поздно, но безошибочно, прочно и с оружием зрелого опыта в деснице. Надо памятовать, что грехи общежития растут от вмешательства в него юных разумом мужей. Достаточно оставить историю на пятьдесят лет в покое, чтобы все без усилий достигли упоительного благополучия”» (137–138).

Не скрывается ли в заглавии арсаковского пятисотстраничного труда «Второстепенные люди»⁹ мысль Н. Данилевского

⁹ Количество страниц в книге Н. Арсакова указано в реконструированной В. Вьюгиным повести Платонова «Строители страны» – прототексте «Чевенгура» (Вьюгин 1995, 385).

о старости Европы и молодости России? С точки зрения стареющей европейской цивилизации, русские и другие народы славянского культурно-исторического типа – «второстепенные люди». Им еще предстоит войти в поток всемирной истории, накопив культурную силу. Как писал Данилевский, у каждой цивилизации свой период «цветения и плодоношения».

Особый характер русского исторического процесса, отстаиваемый славянофильской историософией, запечатлен в романе Платонова. После революции Россия обратилась из страны «иранства»¹⁰ – страны земледельческой, свободной – в государство кушитского типа, в сталинскую железную империю. Произошло обратное надеждам Хомякова, считавшего Россию страной духовно самостоятельной.

Платонов отчетливо проводит в «Чевенгуре» ту же линию: Чепурный «<...> не вытерпел тайны времени и прекратил долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре, – так же, как рыбак Дванов не вытерпел своей жизни и превратил ее в смерть, чтобы заранее испытать красоту того света» (314). Историческая судьба нации, по Хомякову и Данилевскому, а также и по Платонову, зависит от неразрывной связи веры, истории, нравственного чувства народа.

Не войдя в период «цветения», отрешившись от своей духовной суверенности, Россия вынуждена догонять другие страны, встраиваться в чужую культуру. В результате неожиданной метаморфозы мы вернулись в эпоху смуты.

Подобную логику отношений с историей содержат и слова лесного надзирателя, черпающего истину в забытых книгах. «Он искал советскому времени подобия в прошлом, чтобы узнать дальнейшую мучительную судьбу революции...». «“Откуда вы? – думал надзиратель про большевиков. – Вы, наверное, когда-то уже были, ничего не происходит без подобия чему-нибудь, без воровства существовавшего”» (317).

Платонов обнажает в своем герое черты национального характера, изученные славянофилами в свое время. В пореволюционную эпоху они вновь открываются как составляющие народного самосознания.

Славянофильская убежденность в неповторимом культурном призвании и духовной миссии своего народа определяет, пусть и неявным образом, самый характер творческой философии Платонова. Будучи сложной и многогранной по структуре, она утвердилась на почве присущего славянофилам онтологического реализма.

¹⁰ Хомяков писал о двух «коренных началах» человечества, основных этнообразующих центрах или формах религиозной жизни: «иранстве» и «кушитстве». Культура первого развивается под лозунгом духовной свободы, второго – «вещественной необходимости». По его убеждению, таковы стержневые разновидности человеческого мироотношения (Хомяков 1994, 188–229).

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков 2002 – Аксаков Н. П., *Духа не угашайте!*, С.-Петербург, 1892. См.: Аксаков Н. П., *Духа не угашайте!* Изд. 2-е, Москва, 2002. См. также: <http://maskuratov.narod.ru/Aksakov.htm>
- Аксаков 1886 – См.: Аксаков Н., «Критика начал и выводов так называемого славянофильства», *Русский курьер*, 1886, 19 июня, 17 сент.; «О старом и новом славянофильстве», *«Благовест»*, 1891, №№ 22–23.
- Бальбуров 2003 – Бальбуров Э., «Андрей Платонов и русский космизм: проблема живого знания», *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества*. Вып. 5, Москва, 2003. См. также: Бальбуров Э. А., *Поэтическая философия русского космизма. Учение и поэтика*, Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
- Бердяев 1991 – Бердяев Н., «О характере русской религиозной мысли XIX века», *Н. А. Бердяев о русской философии*, Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1991, Ч. 2.
- Бобылев 2002 – Бобылев Б. Г., *Андрей Платонов о русской государственной идее: повесть «Город Градов»*, <http://www.ostu.ru/conf/soc2002/papers/bobylev.htm>
- Вьюгин 1995 – См.: Повесть А. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения. Публ., вступ. ст. и комментарий В. Ю. Вьюгина, *Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов*. С.-Петербург, 1995.
- Гиренок 1998 – Гиренок Ф. И. *Советский дискурс*, <http://fedorgirenok.narod.ru/Sprache/html>. См. также: Гиренок Ф. И. *Патология русского ума. Картография догловности*, Москва, 1998.
- Кошелев 2003 – Кошелев В. А., «Славянофил: границы и парадоксы понятия», *Литература*, 2003, № 8, 23–28 февраля.
- Лесков 1989 – Лесков Н., *Собр. соч. в 12 т.*, Москва: «Правда», 1989, Т. 1.
- Молва 1857 – «Молва», № 9, 8 июня 1857 г.
- Платонов 1980 – Платонов А. П., «Детские годы Багрова-внука», *Платонов А., Размышления читателя*, Москва, 1980.
- Платонов 1991 – Платонов А., *Чевенгур*, Москва: Высшая школа, 1991. В дальнейшем страницы при ссылках на это издание Платонова проставляются непосредственно после цитат.
- Страхов 1868 – Страхов Н., *Бедность нашей литературы*, С.-Петербург, 1868. Цит. по: Страхов Н. Н., *Литературная критика*. Сборник статей, С.-Петербург: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000.
- Флоренский 1990 – Флоренский П. А., *Столп и утверждение Истины*. Т. I. (II), Москва, 1990.
- Хомяков 1900 – Хомяков А. С., *Полн. собр. соч.*, Москва, 1900, Т. 3.
- Хомяков 1990 – Хомяков А. С., Полное собрание сочинений, Москва, 1990, Т. 2.
- Хомяков 1994 – См.: Хомяков А. С., «Семирамида» (И<исследование> и<стины> и<исторических> и<дей>), *Хомяков А. С., Соч. в 2 т.*, Москва, 1994, Т. II.
- Яблоков 2001 – Яблоков Е. А., *На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»)*, С.-Петербург, 2001.

SLAVIANOFILIŠKOS A. PLATONOVO ROMANO „ČEVENGURAS“ POTEKSTĖS

Aleksandr Dyrđin

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamas filosofinis A. Platonovo romanas „Čevenguras“ ir analizuojama šio rašytojo kaip slavianofilų įpėdinio pozicija, kadangi slavianofilikos pažiūros romane pateikiamos įvairiuose kontekstuose, kurių loginė jungtis skirtinga. Kaip ir slavianofilai, A. Platonovas siekia atskleisti objektyvią pasaulio esmę, apjungdamas prigimtį ir dvasingumą. Rašytojo pasaulėjauta susisiečia su slavianofiliskomis pažiūromis jo pastangoje išskirti rusišką liaudiško tiesos

ieškotojo tipą, akumuliuosį savyje tikėjimą „kaip proto galią“ (A. Chomiakovas). Romane „Čevenguras“ A. Platonovas pavaizdavo įvairias nacionalinio charakterio apraiškas ir sukūrė apibendrintą ruso stačiatikio paveikslą. Straipsnio autorius daro prielaidą, kad unikalios dvasinės rusų liaudies ir kultūros misijos idėjos samprata galima apibūdinti, nors ir ne visai išsamiai, kūrybinę A. Platonovo filosofiją.

LE NON-DIT SLAVOPHILE DANS LE ROMAN D'ANDREI PLATONOV "TCHEVENGOUR"

Alexandre Dyrдинe

Résumé

L'article examine la prose philosophique d'Andrei Platonov, dans laquelle on peut retrouver de très proches similitudes avec les idées et l'esprit du courant slavophile. Des éléments de la pensée slavophile dans le texte du roman *Tchevengour* sont observables sous différentes formes et dans différents contextes. Ils ne sont pas toujours facilement reconnaissables, c'est pourquoi l'analyse faite dans l'article s'est avérée complexe. La pertinence du sujet ne se justifie non pas seulement par un intérêt littéraire pour l'oeuvre de Platonov, mais bien aussi en raison de l'état actuel de la conscience nationale russe. L'analyse qui en ressort apparente la position philosophique de Platonov a celle de l'école slavophile.

Tout comme les slavophiles, Platonov porte son regard sur l'essence objective du monde, liant l'émer-

gence de l'esprit avec celle de la matière. La pensée de Platonov fait écho à la conception du monde des slavophiles dans ce qu'elle a de plus fondamentale: dans ses tentatives de faire ressortir ce qui caractérise le type russe. Celui-ci se définit par sa quête d'authenticité nationale, exprimant "l'esprit de la vie nationale" et faisant de "la foi une faculté de la raison" (A. Khomiakov). Dans *Tchevengour*, non seulement Platonov montre différentes manifestations du caractère national, mais il cherche de plus à créer un type généralisé représentant l'idée russo-orthodoxe. Alexandre Dyrдинe considère que les convictions slavophiles en ce qui concerne l'originalité de la culture et de l'esprit russe, ainsi que la vocation messianique du peuple russe caractérisent, bien que d'une manière au premier abord peu évidente, la nature même de l'oeuvre philosophique de Platonov.

Получено: 2006, октябрь

Принято: 2006, июль

Адрес автора:
Ульяновский технический
университет
Кафедра филологии,
издательского дела и редактирования
г. Ульяновск, Россия
E-mail: dyrd@ulstu.ru